

Сестра-убийца

Бывало-живало, был старицёк, да старушка, а у их две доцери. Они послали их в лес по ягоды — котора в лес пойдёт, золотой камешок найдёт, той цветно платье заведём. Мала-то сестра туесок ягодок набрала и золотой камешок нашла, а старша берёт, берёт, у ей всё убывает. Больша сестра убила малу, под берёзку положила, башмачком притопнула, а золотой камешок себе взяла. Старша сестра пришла домой, мати и отеч баенку затопили, отеч в баню пошол.

— Дитетко, дитетко!

Поди, домой.

Тебе баенка истоплена,

Свежа вода nanoшена.

— Татинька, татинька!

Меня сестра юбила,

Под берёзку посадила,

Башмачком притопнула,

Каблучком привалила.

Пошол брат и стал кликать:

— Сестрича, сестрича!

Поди-ко домой.

Тебе баенка истоплена,

Свежа вода nanoшена,

Твой веничек

На полку в уголку,

Подо крышечкою.

— Брателко, брателко!

Меня сестра юбила,

Под березку посадила,

Башмачком притопнула,

Каблучком привалила.

Пошла мати.

— Дитетко, дитетко!

Тебе баенка истоплена,

Свежа вода наношена,
Твой веничок
На полку, в уголку,
Подо крышечкою.

Она отвечает:

— Маминька, маминька!
Меня сестрица юбила,
Под березку посадила,
Башмачком притопнула,
Каблучком привалила.

Нонце и сестра пошла.

— Сестрица, сестрица!
Тебе баенка истоплена,
Свежа вода наношена, и пр.

Она отвечает:

— Сестрица, сестрица!
Меня сестрица юбила,
Под березку схоронила,
Башмачком притопнула
Каблучком привалила.

Из байны пришли домой, спать лежатся, легли. Убита к воротам пришла,
стала плакать:

— Брателко, брателко!
Отвори ворота.
Отвори широки,
Первы волки через тын глядят,
Вторы волки через лес глядят.
Третьи волки съись хотят,
По ручкам, по ножкам,
По ретивому сердечку.

Брат вышел.

— Назови мужем, дак запущу, а не назовёшь — не запущу. Она не назвала,
он не запустил ей. Она стала второго брата кликать. Он вышел.

— Брателко, брателко!

Отвори ворота,

Отвори широки и пр.

— Назови мужем, дак запущу, не назовёшь — не запущу. Она и назвала.

— Пуцай мне-ка муж ты.

Он ее запустил. Она прошла в шёлныш, и сделала две куколки. Эти куколки выскочили, на порог сели, поскакивают и выговаривают:

— Стыд да страм!

Брат сестру

На место зовёт,

Жоной почитат.

Она тут сидела, сидела да и сквозь землю просела.

Бежала, бежала, стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

Згленула в окошко, бабушка сидит, спросила у бабушки:

— Ой бабинька, туча катитча.

— Нет, дитётко, не туча катитча, а из чистаго поля Ягáбиха идёт.

— Мы куды девамся?

— А закроемся под иголку.

Закрылись под иголку. Ягáбиха прокатилась тучей. Девушка вышла и опеть побежала; бежала, бежала, опеть избушка стоит; она в эту избушечку зашла, бородатой старичёк сидит.

— Дедушко, спусти меня погретця.

— Грейся, грейся, пошто я дорожных людей не спущу. Сидит, в окошко гленула.

— Ой, дед, туча катитця.

— То не туча катитця, то Ягáбиха идёт.

— Мы куды, дед, девамся?

— Мы под кремешок закроемся.

Под кремешок закрылись и побежали, она оглянется, Яга́биха бежит за имá.

«Ой, дедушко, близко съес». Крута гора стретилась, старик да девушка сквозь гору прошли, а Ягабиха не может протти и говорит: «В чистом поли тупичку да лопатку забыла». Сходила назад , принесла, роскопала гору и прошла, и опеть нагонеть стала. Стретилась рецька, этим не протти не проехать. У их была трубка по́ртна, оне это портенко́ разостелíли и хотят по нему переехать. Яга́биха наконец заскочила. Они портенó отрезали, Яга́биха и бух в воду, и погибла. Перешли реку, стоит императора самого дом, зашли, слезно расплакались. Просят на фатеру...

(Больше не знает).

(Чуресанова Матрена Андреевна)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.